УДК 347.93 https://www.npzhdialog.ru/22-2026

Применение доктрины эстоппеля при утверждении мировых соглашений в арбитражном процессе: теоретико-правовые и правоприменительные аспекты

Маркин Дмитрий Алексеевич,
магистрант, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация. В статье исследуется доктрина эстоппеля (запрета противоречивого поведения) в контексте утверждения мирового соглашения в арбитражном процессе. В работе анализируется соотношение эстоппеля и общеправового принципа добросовестности, рассматривается правовая природа мирового соглашения как института, совмещающего материально-правовые и процессуальные элементы. На основе анализа практики высших судебных инстанций выявляются пределы действия мирового соглашения в отношении акцессорных обязательств, деликтных правоотношений, оспаривания сделок и процедур несостоятельности (банкротства).

Ключевые слова: эстоппель, мировое соглашение, принцип добросовестности, арбитражный процесс, акцессорные обязательства, процессуальная экономия, банкротство.

Институт мирового соглашения в российском арбитражном процессуальном праве выступает важнейшим проявлением принципа диспозитивности. Позволяя сторонам самостоятельно урегулировать возникший правовой конфликт, мировое соглашение способствует снижению судебной нагрузки и обеспечению процессуальной экономии. Однако на практике реализация принципа диспозитивности вступает в противоречие с необходимостью обеспечения правовой определенности и стабильности вступивших в законную силу судебных актов.

Научная проблема заключается в квалификации правовых последствий поведения участников оборота, которые после утверждения мирового соглашения пытаются инициировать судебные разбирательства по требованиям, напрямую не сформулированным в тексте соглашения, но вытекающим из того же правоотношения (взыскание неустоек, процентов, индексации). Отсутствие единого подхода к квалификации «молчания» сторон в тексте соглашения длительное время порождало правовую неопределенность, преодолеваемую сегодня посредством имплементации в судебную практику доктрины эстоппеля.

В континентальной правовой традиции запрет противоречивого поведения (venire contra factum proprium) обычно рассматривается как проявление принципа добросовестности и запрета злоупотребления правом. В германском праве он связывается прежде всего с § 242 Германского гражданского уложения и доктриной Treu und Glauben. В англо-американском праве функционально близкая идея реализуется посредством различных разновидностей эстоппеля, прежде всего reliance-based estoppel, который препятствует лицу изменить ранее выраженную позицию, если своим заявлением или поведением оно побудило другую сторону положиться на эту позицию и изменение поведения причинило бы ей неблагоприятные последствия. Поэтому venire contra factum proprium и estoppel следует рассматривать не как тождественные институты, а как догматически различные, но функционально сопоставимые механизмы защиты оправданного доверия и ограничения недобросовестного изменения правовой позиции [1; 2].

В российской правовой доктрине ведется дискуссия о соотношении эстоппеля и принципа добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ). Принцип добросовестности представляет собой оценочную категорию, устанавливающую стандарт поведения участников гражданского оборота. Эстоппель же выступает специальным процессуально-материальным механизмом, конкретизирующим принцип добросовестности через негативную форму: запрет противоречивого и недобросовестного поведения.

Нормативной основой применения эстоппеля в арбитражном процессе является ч. 2 ст. 9 АПК РФ, закрепляющая риск наступления последствий совершения или несовершения процессуальных действий. Разъяснения Пленума ВАС РФ, содержащиеся в п. 15 постановления от 18 июля 2014 г. N 50, окончательно закрепили презумпцию: если стороны прямо не оговорили сохранение отдельных прав или требований, мировое соглашение означает полное прекращение гражданско-правового спора со всеми вытекающими из него обязательствами.

Для определения пределов применения эстоппеля прежде всего необходимо установить юридическое значение самого мирового соглашения.

Стороны вправе окончить дело мировым соглашением (ст. 139 АПК РФ). В силу ч. 2 ст. 140 АПК РФ мировое соглашение должно содержать согласованные сторонами сведения об условиях, размере и сроках исполнения обязательств. При этом положения мирового соглашения должны быть ясными и определенными.

Пленум ВАС РФ в п. 13 постановления N 50 [3] исходит из возможности сторон самостоятельно определять содержание мирового соглашения в пределах, установленных законом. Стороны вправе включать в него условия, связанные с заявленными требованиями, но не являвшиеся непосредственно предметом судебного разбирательства.

Данное положение имеет принципиальное значение. Предмет мирового соглашения не обязательно совпадает с предметом первоначального иска. Стороны могут договориться о более широком комплексе взаимных прав и обязанностей, если такие условия соответствуют закону и не нарушают права и законные интересы других лиц.

Следовательно, при оценке возможности последующего предъявления требований необходимо исследовать не только формальный предмет первоначального иска, но и содержание достигнутого сторонами соглашения.

Особое значение в этом отношении имеет п. 15 постановления N 50. Сформулированный в нем подход исходит из того, что мировое соглашение направлено на окончательное прекращение гражданско-правового спора полностью либо в соответствующей части. Если стороны не предусмотрели иные последствия, прекращение распространяется на соответствующее правоотношение в целом, включая дополнительные обязательства.

Таким образом, отсутствие в мировом соглашении отдельного упоминания о дополнительном требовании не всегда означает сохранение возможности его последующего предъявления. В зависимости от характера соответствующего правоотношения и содержания соглашения такое требование может охватываться общим прекращающим эффектом мирового соглашения.

Основной массив судебных споров связан с попытками кредиторов предъявить иски о взыскании акцессорных сумм после утверждения мирового соглашения по основному долгу.

В одном из постановлений Президиума ВАС РФ сформулирован ключевой правовой подход [4]: мировое соглашение, не содержащее оговорок о сохранении дополнительных требований, влечет утрату права стороны на выдвижение новых исков о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ). Непредъявление таких требований в момент заключения соглашения квалифицируется как их прекращение, а последующий иск пресекается эстоппелем.

Аналогичная правовая позиция применима к договорной неустойке. Неустойка, обладая акцессорной природой, следует судьбе основного обязательства. Если стороны урегулировали основной спор (например, о возврате имущества по договору купли-продажи), но умолчали о неустойке за предшествующий период, данные санкции признаются прощенными, а предъявление самостоятельного иска об их взыскании противоречит добросовестному поведению [5].

Эстоппель ограничивает не только право на предъявление имущественных требований, но и право на изменение процессуальной позиции относительно юридических фактов и сделок. Такое разграничение представляется принципиальным для определения содержания категории эстоппеля.

Так, при рассмотрении иска о признании недействительным договора новации суд указал на недопустимость изменения правовой позиции. Если субъект ранее активным образом ссылался на договор новации как на основание своих возражений против исковых требований, что привело к заключению и утверждению мирового соглашения, данный субъект не вправе в последующем оспаривать действительность этой сделки в другом процессе [6].

Таким образом, эстоппель не должен рассматриваться как самостоятельное основание прекращения любого требования, которое ранее не было заявлено стороной. Его назначение состоит в обеспечении последовательности юридически значимого поведения и недопущении использования права в противоречии с ранее сформированной и реализованной правовой позицией.

При этом представляется, что одного лишь факта изменения позиции недостаточно. Изменение позиции участника процесса само по себе не является противоправным: процессуальное законодательство предполагает возможность уточнения требований, изменения аргументации и представления новых доказательств в предусмотренных законом пределах. Юридическое значение изменение позиции приобретает тогда, когда одновременно присутствуют несколько обстоятельств.

Во-первых, должна существовать предшествующая позиция или поведение стороны, имеющие юридическое значение для соответствующего правоотношения.

Во-вторых, сторона должна посредством такого поведения получить либо стремиться получить определенный юридический результат.

В-третьих, последующая позиция должна находиться в существенном противоречии с предшествующей.

В-четвертых, применение эстоппеля должно быть связано с защитой законных ожиданий другого участника правоотношения либо с предотвращением недобросовестного осуществления права.

Чрезмерно широкое понимание эстоппеля может привести к необоснованному ограничению права на судебную защиту. Поэтому ссылка на предшествующее поведение стороны сама по себе не должна автоматически предопределять невозможность рассмотрения ее последующих требований.

Возможность применения рассматриваемого подхода не ограничивается обязательственными отношениями, возникшими из договора. В одном из дел оценивалась ситуация, в которой ОАО «РЖД» ранее заключило мировое соглашение с одним из лиц, пострадавших вследствие пожара, признав соответствующий случай страховым и выплатив возмещение. В последующем споре с другим потерпевшим ответчик занял иную позицию относительно обстоятельств произошедшего [7].

Данный пример требует особой осторожности при его использовании для характеристики эстоппеля. Само по себе признание определенных обстоятельств в одном деле не означает автоматической преюдициальности этих обстоятельств в другом деле

с участием другого лица. Следовательно, более корректно рассматривать подобные обстоятельства как один из элементов оценки последовательности поведения стороны, а не как самостоятельное основание для автоматического переноса результатов одного судебного дела на другое. Это позволяет провести необходимое различие между эстоппелем и преюдицией. Преюдиция связана с установленными судебным актом обстоятельствами в предусмотренных законом пределах, тогда как эстоппель основан прежде всего на оценке поведения конкретного субъекта и его последующей позиции.

Особое значение вопрос об окончательности достигнутых договоренностей приобретает в делах о банкротстве, поскольку мировое соглашение затрагивает не только отношения между отдельными сторонами, но и общий порядок удовлетворения требований кредиторов.

Верховный Суд РФ подчеркнул, что утверждение мирового соглашения в банкротстве фиксирует объем требований. Кредитор, согласившийся на рассрочку или отсрочку без оговорки об индексации суммы долга (ст. 183 АПК РФ), лишается права на предъявление самостоятельных заявлений об индексации. Начисление мораторных процентов в процедуре банкротства заменяет собой механизм индексации, а добровольный отказ от них в тексте мирового соглашения исключает возможность их последующего взыскания [8].

Исследование судебной практики позволяет сформулировать несколько выводов относительно пределов изменения правовой позиции стороны после заключения мирового соглашения.

Во-первых, наличие противоречия между двумя процессуальными позициями само по себе недостаточно для применения эстоппеля. Необходимо установить юридическую значимость предшествующего поведения, его связь с возникшим спором и существенное противоречие между первоначальной и последующей позициями.

Во-вторых, применение эстоппеля должно осуществляться с учетом права лица на судебную защиту. Изменение правовой позиции может быть обусловлено изменением фактических обстоятельств, выявлением новых юридически значимых обстоятельств или иными объективными причинами. Поэтому недопустимо превращать эстоппель в абсолютный запрет на изменение процессуальной позиции.

В-третьих, судебная практика по рассматриваемому вопросу свидетельствует о необходимости разграничения эстоппеля, преюдиции, прекращающего действия мирового соглашения и общего принципа добросовестности. Хотя указанные правовые категории могут применяться к одним и тем же фактическим обстоятельствам, их основания и юридические последствия различаются. Представляется, что именно разграничение указанных механизмов позволяет наиболее точно определить пределы правовой связанности стороны собственным предшествующим поведением. В этом контексте эстоппель следует рассматривать не как средство общего запрета на последующее изменение позиции, а как правовой механизм, препятствующий реализации права в ситуации, когда такая реализация несовместима с юридически значимым предшествующим поведением самого управомоченного лица.

Примечания

1. Шевченко А. С. Venire contra factum proprium: от связанности прошлым к связанности будущим // Правоведение. 2020. Т. 64. N 2.

2. Грибов Н. Д. Доктрина запрета противоречивого поведения // Актуальные проблемы российского права. 2020. N 3.

3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.07.2014 N 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.03.2011 N 13903/10 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.12.2015 N 305-ЭС15-9906 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.09.2024 N Ф09-3987/24 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.05.2025 N Ф09-1714/25 по делу N А60-52689/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2023 N 307-ЭС23-17802 // СПС «КонсультантПлюс».

English version

Application of the estoppel doctrine in the approval of settlement agreements in the arbitration process: theoretical, legal, and law-enforcement aspects

Markin Dmitriy Alekseevich, master’s student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article is devoted to an examination of the doctrine of estoppel (the prohibition against contradictory conduct) in the context of the approval of a settlement agreement in arbitration proceedings. The paper analyzes the relationship between estoppel and the general legal principle of good faith, and examines the legal nature of a settlement agreement as an institution that combines substantive and procedural elements. Based on an analysis of the case law of the highest courts, the limits of the effect of a settlement agreement with respect to accessory obligations, tortious legal relationships, the contesting of transactions, and insolvency (bankruptcy) proceedings are identified.

Keywords: estoppel, settlement agreement, principle of good faith, arbitration proceedings, accessory obligations, procedural economy, bankruptcy.